

Т. В. Рождественская

РАЗВИТИЕ ГРАМОТНОСТИ И КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВГОРОДЕ

(по данным эпиграфики)

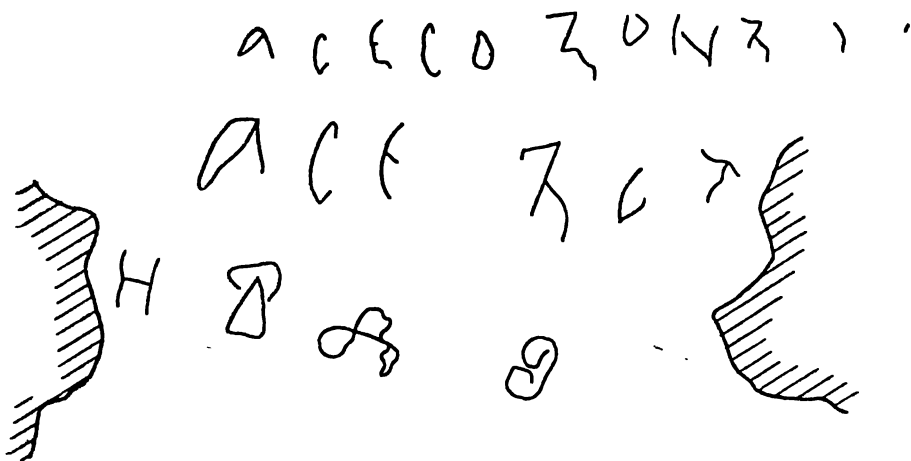
Древнейшие свидетельства возникновения письменной традиции на Руси относятся не только к Киеву, но, в основном, к Новгороду и той территории формирования древнерусской государственности, которая была определена В. Т. Пашуто, а вслед за ним и рядом других исследователей понятием «Верхняя Русь», или «Северная Русь».¹

С первых же десятилетий после официального утверждения христианства в Новгороде, по-видимому, начинается интенсивная книжная деятельность писцов и развивается письменная культура. Хотя, как отмечает Н. Н. Розов, «источники не сохранили сведений об организации в Новгороде массовой переписки книг. . . однако сохранившиеся книги новгородского происхождения, начиная с древнейших, достаточно убедительно свидетельствуют о раннем и широком развитии книжного дела в Новгороде».²

После сооружения в 1045 г. Софийского собора в нем создается библиотека и возникает княжеский скрипторий. В начале и первой половине XII в. один за другим появляются храмы, построенные по княжескому и церковному заказу: в 1103 г. князь Мстислав закладывает церковь Благовещения на Городище, в 1105 г. уже существует деревянная церковь Ильи на Славне, в 1113 г. строится каменный Никольский собор на Ярославовом

¹ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сб. Таллинн, 1970. Вып. 15. С. 53; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: новый этап изучения // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. Л., 1987. Вып. 3. С. 16.

² Розов Н. Н. Несколько слов о библиотеке Новгородского Софийского собора // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. С. 248.

Прорись надписей на стене лестничной башни Георгиевского собора.

дворище, в 1117 г. игумен Антоний закладывает церковь Рождества Богородицы в Антониевом монастыре, в 1119 г. князь Всеволод Мстиславич — Георгиевский собор в Юрьевом монастыре.³

О просветительской деятельности и книжном деле, развивающемся при монастырях и храмах, свидетельствует, например, появление в 1057 г. знаменитого Остромирова евангелия. Летописные известия, данные нумизматики и эпиграфики, археологические свидетельства позволяют говорить о Новгороде XI и начала XII вв. как крупном центре древнерусской письменной культуры.

Круг источников для ее изучения включает три категории памятников: 1) рукописные книги, 2) берестяные грамоты и 3) эпиграфику.

Эти источники изучены неравномерно. Если исследование новгородской рукописной книги имеет в отечественной науке давнюю традицию,⁴ если берестяные грамоты, после их открытия постоянно привлекавшие внимание исследователей, стали предметом целенаправленного лингвистического изучения,⁵ то из числа эпиграфических памятников Новгорода к настоящему времени

³ *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 65—66, 67—68, 70—71, 73—74.

⁴ *Розов Н. Н.* Несколько слов о библиотеке Новгородского Софийского собора. С. 248—251 (там же — литература вопроса); *Звегинцева О. В.* Рукописные книги библиотеки Новгородского Софийского собора // Там же. С. 252—266; *Шварц Е. М.* Кодикологическое исследование рукописей XV в. Софийско-Новгородского собрания ГПБ: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1984. 15 с.

⁵ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955; *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 89—219.

введены в научный оборот в основном надписи-граффити Софийского собора и некоторых других храмов Новгорода.⁶

Древнейшие новгородские рукописи относятся ко времени не ранее середины XI в. — это переписанное в Новгороде (но, как считает большинство исследователей, не новгородцем) дьяком Григорием Остромирово евангелие 1056—1057 гг. и новгородские Минеи 1095, 1096, 1097 гг. Первой половиной XI в. некоторые исследователи датируют по языковым данным Путятину минуею, характеризуя ее как древнейшую русскую рукопись.⁷ Второй половиной XI—первой половиной XII в. датируется около 200 надписей-граффити Софийского собора. К первой половине XI в. относится и несколько берестяных грамот, в том числе и берестяная азбука № 591. К рубежу X—XI вв. и самому началу XI в. можно с уверенностью отнести только несколько надписей на новгородских деревянных цилиндрах и надписи на златниках и сребрениках Владимира и Ярослава.⁸ Открытие берестяных грамот и изучение новгородских эпиграфических памятников, прежде всего надписей-граффити, дают основание для прослеживания связей этих письменных источников с книжной традицией Новгорода.

В системе памятников древнерусской письменности ведущая роль принадлежит книжным текстам во всем их жанровом разнообразии, дающим представление как о репертуаре чтения средневекового книжника, так и о культурных традициях того или иного книжного центра. Однако наиболее полную картину развития грамотности и книжно-письменной культуры древней Руси невозможно представить без привлечения как памятников эпистолярного и делового характеров — берестяных грамот, так и эпиграфических текстов, т. е. без памятников, которые условно можно назвать некнижной письменностью. Именно они создают тот фон письменной культуры, на котором возникают также памятники, как Остромирово евангелие, Минеи 1095—1097 гг., Мстиславово евангелие, Саввина Троица и другие книги.

⁶ *Медынцева А. А.* 1) Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978; 2) Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 440—450; *Рождественская Т. В.* 1) Новгородские надписи-граффити как материал для истории языка // *Грамматика русского языка*. Иркутск, 1972. Вып. 1. С. 34—38; 2) О некоторых графика-палеографических особенностях новгородских надписей-граффити // *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Л., 1985. С. 116—119; 3) Эпиграфика и книжная культура древнего Новгорода // *Тр. V Междунар. конгр. славян. археол.* М., 1987. Т. 3, вып. 26. Секция VI. С. 92—99; *Яйленко В. П.* Древнерусские граффити Нередицы как источник бытовой истории Новгорода XIII—XVII вв. // Там же. С. 153—163. К сожалению, эта публикация 144 надписей (тексты) содержит многочисленные погрешности в чтении и толковании как отдельных слов, так и надписей в целом, и не может быть использована как достоверный источник.

⁷ *Марков В. М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. С. 7.

⁸ *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // *Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода*. М., 1982. С. 138—155; *Медынцева А. А.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // *СА*. 1984. 4. С. 49—61.

Использование эпиграфики наряду с рукописями как памятников письменной культуры (в том смысле, как понимал ее академик А. С. Орлов)⁹ необходимо при изучении письменной традиции книжных центров (Преслава или Охрида в Болгарии, Киева и Новгорода на Руси), а также для исследования палеографических и графико-орфографических норм, языковых диалектных явлений. «Формульность» одних надписей (таких как поминальные или молитвенные), их «цитатность», с одной стороны, и ориентированность надписей так называемого бытового характера на конкретную житейскую ситуацию — с другой, позволяют рассматривать эти тексты в русле важных аспектов изучения литературно-письменного языка, соотношения книжной традиции и устной речевой практики.

Если обратиться к начальному периоду развития письменности на Руси и к вопросу о ее распространении в связи со сложившейся социолингвистической ситуацией, то надо признать, что эпиграфика дохристианского времени является не только основным, но и единственным нашим источником, поскольку датированные рукописные памятники относятся к середине XI в.

Эпиграфический материал IX—X вв., найденный на территории Восточной Европы — а это надписи и буквенные знаки на предметах материальной культуры (пряслицах, арабских диргемах, на мече), — не только кириллические, но и принадлежащие к инокультурным и иноязычным традициям (скандинавской, арабской, греческой), — свидетельствует о тесных политических и культурных связях Руси этого времени с Византией, Скандинавией и Востоком.¹⁰

География находок показывает, что письменность начинает применяться в ранних протогородских поселениях на великих водных путях — из варяг в греки и из Балтики на Восток.

Если первоначально система графических обозначений, которые лишь условно можно назвать письменностью, используется прежде всего в магических целях, то по мере формирования в этих протогородах особого княжеско-дружинного слоя и особой надплеменной дружинной культуры кириллическая письменность начинает использоваться в государственной и торговой сфере, в процессе огосударствления — прежде всего в системе учета и распределения дани.¹¹

Примером такого использования служат надписи на деревянных цилиндрах из Новгорода с обозначением долей доходов от

⁹ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1936.

¹⁰ Медынцева А. А. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1983. С. 86—97; Рождественская Т. В. Письменная традиция Северной Руси по эпиграфическим данным // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 36—45.

¹¹ Медынцева А. А. Письменность на Руси периода от рубежа IX и X в. до первой половины XI в. (по данным эпиграфики) // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. М., 1987. Т. 3, вып. 26. Секция VI. С. 12—18.

дани князя, мечника, емца. Древнейшие надписи на этих цилиндрах, исследованные В. Л. Яниным и А. А. Медынцева, датируются последней четвертью X в.

Надписи на монетах первоначального русского чекана — златниках и сребрениках Владимира (I тип) («Владимир на столе, а се его серебро») — славянские по языку (а не греческие, в отличие от первых монет Болгарии) и кириллические по письму, стоят у истоков древнерусской письменной культуры. Принятие Владимиром славянской письменности одновременно с крещением (в отличие от Болгарии и Моравии) основывалось в том числе и на том обстоятельстве, что на Руси, как показала А. А. Медынцева,¹² уже существовала ранее традиция использования кириллической письменности в государственной и торговой сфере. Уже в этих первых свидетельствах использования письменной традиции обнаруживается стремление приспособить кириллическую азбуку к звуковому строю родного языка. В надписях на деревянных цилиндрах нашло отражение древнерусское «цоканье» (формы «мецьницъ», «польцьтвърьтъ»), в этих же надписях и некоторых легендах на монетах Владимира и Ярослава используется одноеровая (с исключительным употреблением только «ъ») графика.¹³ Вместе с тем в начертаниях букв в целом еще ощутимо влияние древнеболгарских форм.

Начало письменной традиции на Руси не следует, однако, как нам кажется, относить слишком глубоко в дохристианскую эпоху. Тот факт, что древнейшие эпиграфические находки связаны с ранними городскими образованиями, которые и возникают как выражение концентрации административно-княжеской власти, позволяет связывать наличие письменности с признаками древнерусского города. Именно в таких центрах, в княжеско-дружинном разноплеменном и полиэтничном по составу социальном слое письменность явилась воплощением наддиалектного типа речи, который стал одним из источников формирования литературно-письменного языка древней Руси.

В этой социальной среде начинает формироваться и терминология русского права: надписями на новгородских деревянных цилиндрах засвидетельствованы слова «емец, гривна, мечник», то есть та лексика, которая позже находит отражение в языке Русской Правды. Иначе говоря, именно эпиграфика впервые фиксирует устную традицию русской юридической терминологии.

Сферы применения письменности, в особенности после крещения, быстро расширяются — она используется среди ремесленников, мастеров, членов княжеской дружины, женщин княжеской семьи. С распространением христианства получает распространение и особый вид эпиграфических источников — надписи-граффити на стенах храмов.

¹² Там же. С. 15.

¹³ *Рождественская Т. В.* Основные этапы развития восточно-славянской письменности и древнерусская эпиграфика // *Мовознавство*. 1985. № 5. С. 21—27.

Своим возникновением и существованием они обязаны раннехристианской традиции, корни которой уходят в античную эпоху.

Наряду с новгородскими берестяными грамотами надписи-граффити, а о них сегодня можно говорить как о массовом источнике, входят в корпус памятников «некнижной письменности», занимая в ней определенное место по отношению к традиционным книжным текстам. В системе письменной культуры Новгорода сближение граффити и берестяных грамот в их противопоставленности рукописям имеют давно отмеченное исследователями формальное обоснование — сходство их палеографических характеристик, которое обусловлено твердостью писчего материала и использованием одного и того же орудия письма — «писала». Так, хорошо известно, что в палеографии тех и других текстов проявляется как архаизация в начертаниях букв, так и сохранение старых форм. И в берестяном письме, и в граффити не всегда соблюдается горизонтальность строки. Поэтому эволюция букв, строящихся на соотношении вертикальной и горизонтальной линий, например ъ, отличается от той, которая представлена рукописями.

Хотя и в меньшей степени, чем в палеографии, есть схождения между граффити и берестяными грамотами в использовании графико-орфографических норм. Так, буква ж «юс большой» в берестяном и эпиграфическом письме задерживается дольше, чем в книжном в тех же позициях, а взаимозаменяемость букв ъ, ь, ѣ, е, и в большей степени распространена в памятниках «некнижного» характера, чем в рукописях.¹⁴ То же касается и одноеровых написаний — они имели более широкое распространение и дольше (до конца XI в.) удерживались именно в «некнижном» письме.

Будучи противопоставлены рукописям по целому ряду признаков, берестяные и эпиграфические тексты имеют тем не менее существенные отличия друг от друга. Древнерусские надписи граффити ближе, чем берестяные тексты, к книжным памятникам. Они находят не только палеографические, но и текстологические параллели в древнерусских рукописных текстах, в том числе в записях и приписках писцов, на что уже обращалось внимание исследователей.¹⁵ В надписях в большей степени проявляется связь с византийской и южнославянской книжно-эпиграфическими традициями.¹⁶ Если берестяные грамоты, как правило, имеют четкую практическую направленность, связаны с конкретной житейской ситуацией, чем и объясняется их исключительное историческое значение, то граффити, сделанные в храме, часто во время

¹⁴ *Рождественская Т. В.* О некоторых графико-палеографических особенностях новгородских надписей-граффити. С. 118.

¹⁵ *Еселевич И. Э.* Исследование о языке записей и приписок XI—XVI вв. на древнерусских пергаменных рукописях: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Горький, 1963; *Рождественская Т. В.* Новгородские надписи-граффити как материал для истории языка. С. 34—48.

¹⁶ *Смядовский Ст.* Из текстологката проблематика на старобългарската и среднебългарските надписи // *Старобългарска литература.* 1986. № 19. С. 3—28.

богослужения, теснее связаны с нравственно-религиозной и богословской сферой средневековой культуры. Однако и этот материал неоднороден по степени близости к книжно-письменным памятникам и по степени проницаемости живых диалектных явлений. В значительной степени эта неоднородность зависит от содержания надписи. Записи бытового и — шире — светского характера, особенно в Новгороде, не ориентируются последовательно на церковно-книжные формы. Напротив, их палеография, графика и орфография позволяют говорить об использовании их авторами в XII—XIV вв. так называемой бытовой системы письма, которая еще в большей степени, чем в граффити, проявилась в берестяных грамотах и почти не оставила следов в рукописях. То же можно сказать и о некоторых отразившихся в надписях явлениях новгородского диалекта. Однако и в этих случаях новгородские граффити и эпиграфика в целом, как правило, более сдержанны, чем берестяные грамоты (например, в употреблении окончания -е/-о в им. п. ед. ч. твердого *о-склонения и в перфектном причастии м. р.; в отсутствии «второго смягчения» заднеязычных; в окончании -ови/-еви в дат. п. м. р. в составе формулы «господи, помози. . .»).

Книжная выучка многих авторов граффити сказывается в ориентации на уставное письмо. Это находит выражение в двойном контуре букв некоторых надписей, в орнаментальных формах, в наличии фрагментов растительного орнамента, в рисунках «процветших» крестов, храмов, плетенок, человеческих фигур, птиц, животных, что почти не встречается в берестяных грамотах. Такая украшенность стен рисунками, как и близость к книжному письму в целом, в большей степени характерна в XI—XII вв. для Софии Киевской, нежели для Софии Новгородской, но в Новгороде эта черта проявляется позже, в XIII—XV вв., в надписях церкви Спаса на Нередице, Николы на Липне, Федора Стратилата.

Что касается использования на Руси не только кириллической, но и глаголической азбуки, то эпиграфика и в этом случае дает некоторый материал для суждения о распространении глаголицы.

Две глаголические буквы и начало глаголической надписи «господи, помози. . .», относящиеся к XI в., обнаружены среди граффити Софии Киевской.¹⁷ В Новгороде, в Софийском соборе, глаголических надписей значительно больше — 10.¹⁸ Три из них сделаны смешанным кириллическо-глаголическим алфавитом. Все они написаны по древней цемяночной штукатурке, которая предшествовала росписи собора в 1108 г. и, следовательно, датируется рубежом XI—XII вв. По содержанию (молитвенные формулы) они ничем не отличаются от надписей, выполненных кириллицей.

¹⁷ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 41.

¹⁸ *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи. . . С. 25—32.

Смешение двух славянских азбук в пределах одного текста, одной надписи неоднократно засвидетельствовано уже первыми памятниками славянской письменности — надписями из Северо-Восточной Болгарии (рубежа IX—X и первой половины X в.),¹⁹ а из рукописей — Боянским евангелием, Енинским апостолом, Зографским евангелием, Синайским служебником.

На Руси глаголические рукописи неизвестны, но восемь кириллических рукописей XI—XIII вв. имеют глаголические вкрапления.²⁰ Две рукописи относятся к XI в., три — к рубежу XI—XII вв., одна — к XII, две — к XIII в. По характеру записей это глаголические инициалы (Евгеньевская псалтырь XI в., СК, 30), отдельные глаголические буквы в тексте (XIII Слов Григория Богослова, XI в., СК, 30; Погодинские листки XII в., СК, 105; Миней праздничная XIII в., СК, 176), записи писцов, иногда с кириллическими вкраплениями (Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского, СК, 45; Миней служебная, СК, 41; Устав Студийский рубежа XI—XII вв., СК, 50; Сборник поучений XIII в., СК, 306). Несмотря на отсутствие текстов, полностью исполненных глаголическим алфавитом, знакомство древнерусских писцов с глаголицей не вызывает сомнения. По поводу происхождения этих рукописей среди исследователей нет единого мнения, хотя большинство относит половину их к Новгороду или, во всяком случае, к Северо-Западу Руси.

К территории Северной Руси относится и самая ранняя находка, связанная с вопросом о распространении глаголицы. Речь идет о находке 1975 г. на «Рюриковом» Городище под Новгородом пряслица середины X в. с буквенными знаками.²¹ В их составе присутствует знак, который по целому ряду признаков может быть интерпретирован как своеобразная «редакция» глаголической буквы ѿ («живете»). Этот знак находится в окружении двух других, читающихся, по нашему мнению, как кириллические и и ж.²²

Владелец пряслица, прочертивший острым предметом знаки на его поверхности в качестве, видимо, знаков собственности, словно стремился продемонстрировать свое знакомство с обоими славянскими алфавитами. Такое сосуществование двух алфавитов (часто наряду с греческим) характерно именно для раннего этапа развития славянской письменности.

Немногочисленная глаголическая эпиграфика на Руси не выходит, в основном, за пределы XI в. Однако недавняя находка фрагмента еще одной глаголической надписи на стене лестничной

¹⁹ Попконстантинов К., Мединцева А. За глаголическата надписи от X в. // Археология. София. 1982. № 2. С. 27—37.

²⁰ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984 (далее — СК).

²¹ Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» Городища: (Вопросы интерпретации) // ВИД. Л., 1987. Вып. 18. С. 45—55.

²² Там же. С. 49—53.

башни Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде датируется по архитектурно-стратиграфическим показаниям более поздним временем — первой половиной XII в.²³ Надпись состоит из четырех букв — одной кириллической и трех глаголических: . . . И ѿ ѿ . . . (см. рисунок). Слева и справа от надписи древняя штукатурка не сохранилась, поэтому текст «. . . И СЛЮ. . .» восстановить крайне трудно. Можно лишь предположить, что перед нами фрагмент начальных строк Евангелия от Иоанна: «И Слово бѣ от Бога».

Палеографические аналогии начертаниям глаголических букв обнаруживаются в граффити киевского и новгородского Софийских соборов. В непосредственной близости от надписи Георгиевского собора, над нею, сохранились еще две надписи. Одна из них выполнена крупным кириллическим почерком, другая более мелким: «а се Созонтеи псал». Текст, содержащий указательное местоимение «се», говорит в пользу того, что автором глаголической надписи и был Созонтий. При массовой распространенности в граффити формулы «такой-то писал» формула с местоимением «се» обычно употребляется в надписях, являющихся авторской подписью к тем или иным изображениям и находящимся вблизи рисунков или других надписей, как и в данном случае.²⁴ Палеографические приметы кириллической надписи Созонтия также не выходят за пределы середины XII в.

Отсутствие глаголических текстов среди новгородских бережневых грамот XI—XII вв. свидетельствует о том, что глаголическое письмо не получило широкого распространения в Новгороде. По-видимому, владение им было привилегией книжных людей, писцов княжеского или монастырских скрипториев, одним из которых и был, вероятно, Созонтий. Георгиевская надпись показывает, что глаголица употреблялась в Новгороде не только в XI в., но и в первой половине XII в., быть может, людьми старшего поколения, обладающими высокой книжной культурой. К сожалению, сохранность древней штукатурки стен Георгиевского храма и других новгородских построек XII в. — собора Рождества Богородицы в Антониевом монастыре и Никольского собора на Ярославовом дворце — такова, что трудно ожидать новых находок глаголических надписей.

Тот факт, что большинство находок древнерусских глаголических надписей и букв, начиная с самой ранней — глаголической буквы Ж на пряслице X в. с «Рюрнкова» Городища, — обнаружено в Новгороде и что к новгородской территории относится часть рукописей с глаголическими вкраплениями, заставляет предполагать, что Новгород обладал более тесными и самостоятель-

²³ Надпись была обнаружена в 1987 г. эпиграфическим отрядом диалектологической экспедиции Филологического факультета ЛГУ под руководством автора.

²⁴ *Высоцкий С. А.* Эпиграфический корпус средневековых надписей архитектурных памятников древнего Киева: (итоги исследования) // Археол. исслед. Киева 1978—1983 гг. Киев, 1985. С. 33.

ными связями с глаголической традицией, нежели Киев. Пути распространения этой традиции — задача специального исследования.²⁵

Новгородские находки кириллических азбук XI—XIV вв. на бересте, пряслице и деревянной чере, которые В. Л. Янин назвал азбуками «неполного состава»,²⁶ служат свидетельством того, что кириллический алфавит на Руси не сразу приобрел свою законченность относительно буквенного состава и что в первые десятилетия развития письменности и грамотности после крещения в Новгороде употреблялось несколько вариантов кириллицы. Некоторые ранние варианты азбуки использовались при обучении и позже, в XIV в.

В отличие от берестяных грамот надпись (в том числе надпись-граффити) часто носит формульный характер. По типу текста и предмета, на котором сделана надпись, она может сближаться то с владельческой записью, то с каноническим богослужебным текстом, то с летописной записью, то с деловым документом.

Состав и последовательность формульных текстов надписей постоянно варьируются. Так, на столбе диаконника в церкви Спаса на Нередице имеется запись стихир на «господи възвах», из-за сильных повреждений штукатурки читаемая с трудом: «(услы)ши б(ож)е молитву мо(а) ко б(о)гоу възвахъ и г(оспод)ь оу(слы)ша мж.» Палеографически надпись датируется рубежом XIII—XIV вв.—первой половиной XIV в. Текстологическое различие «ко господу — к богу», присутствующее в этой надписи, характерно и для других надписей, как новгородских, так и киевских. Лексическое и грамматическое варьирование свидетельствует о свободе в оперировании формулами и об открытой структуре эпиграфического текста. При этом «этикетность» надписи поддерживает известное единство документального стиля.

Особую текстологическую ценность представляют литургические, богослужебные тексты, цитаты Ветхого и Нового заветов, Псалтыри и других источников, не только канонического, но и апокрифического характера. Владение христианско-книжной традицией обнаруживается во многих текстах. Варьирование языковых средств в этих текстах показывает, что авторы не стремились во что бы то ни стало точно процитировать текст, а записывали его по памяти, наизусть.

Помимо граффити, непосредственно связанных с византийской и южнославянской христианской традицией (на уровне текста, устойчивой формулы, знаковой символики),²⁷ значительную часть

²⁵ *Вечерка Р.* Письменность Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 174—195.

²⁶ *Янин В. Л.* Новгородские азбуки // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. София, 1984. № 1. С. 79—86.

²⁷ Например, надпись из Софии Новгородской: «О гѣ мои по(ми)лоуи оубогаго недостоянаго раба т(во)его припадающаго къ тѣбѣ» (*Медынцева А. А.* Древнерусские надписи. . . № 172, вторая половина XI в.); «(Ж)ивоу ми быти (в)ъ (в)ѣкы вса» (Там же. № 130, вторая половина XI—первая половина

составляют надписи бытового и светского характера. Конечно, такое деление с точки зрения средств языкового выражения достаточно условно, но оно важно в содержательном отношении. Хорошо известные надписи летописного характера в значительно меньшей степени зависят от традиционных формул, но используют клише летописных текстов и деловых документов.²⁸

В Софийском соборе Новгорода нет «летописных» записей, но обнаружено два текста фольклорного характера (199 и 203) — загадка о колоколе и «поговорка-считалка», связанная, по мнению А. А. Мединцевой, с детским фольклором.²⁹ Особая ценность этих надписей в том, что обе они датируются второй половиной XII—первой половиной XIII в., являясь, таким образом, наиболее ранней фиксацией фольклорного текста.

Лексика и синтаксическая структура этих текстов («каманы пѣрьси», «медана голова», «липова челюсть» в загадке), скрытые сравнения («пирог(е) в печи, гридьба (гребная дружина) въ корабли» в считалке), ритмическая организация — все в этих текстах несет следы устной фольклорной практики.

Анонимность как существенная черта средневековой культуры не характерна, как правило, для памятников не книжной письменности. Это относится как к берестяным письмам, вызванным к жизни конкретной бытовой ситуацией, так и к надписям-граффити в храмах, где воспроизведение типовых формул требовало личного, авторского участия. Памятники не книжной письменности располагают сведениями о социальном, этническом, половозрастном и семейном составе их авторов или заказчиков. Ими могли быть князь, архиепископ, странник и проскурница, ремесленник-оружейник, женщина из княжеской или боярской семьи, новгородец, киевлянин, житель Полоцка или Чернигова, грек или человек скандинавского происхождения.

Эпиграфические памятники и берестяные грамоты представляют массовую письменность и характеризуют уровень грамотности той среды, в которой развивалось мастерство книжных писцов Новгорода.

Как явление культуры надпись являет собой пример такого текста, через который проходит граница между культурой книжной и культурой бытовой.

Промежуточное положение эпиграфики между литературой и нелитературой сказывается в том, что, с одной стороны, эпиграфический текст ориентируется на устойчивую книжную традицию (в особенности надпись в храме, выполняющая сакральную функцию), с другой стороны, текст остается открытым для воздействия устной речевой практики.

XII в.); «Ивань пѣсаль гр(ѣ)шъ(н)ы(и) жбогын (Там же. № 52, вторая половина XI в.); надпись между изображениями двух крестов: «Петръ пѣсаль, Лжа, Твората» (Там же. № 39, 40, 41, вторая половина XI—первая половина XII в.).

²⁸ *Высоцкий С. А.* Эпиграфический корпус. . . С. 25—28.

²⁹ *Мединцева А. А.* Древнерусские надписи. . . С. 145, 148—149.

Характеризуя западноевропейскую средневековую словесность, А. Я. Гуревич отмечал, что «средневековое общество в своей толще было обществом бесписьменным. . . Грамотность расценивалась как привилегия, как определенное социальное преимущество, и присущие этому обществу антагонизмы дополнялись и усложнялись высокозначимым противопоставлением грамотных, образованных, посвященных — невежественным, неграмотным, непосвященным».³⁰ По мнению исследователя, церковная литература была обращена «к неграмотной, вне письменности существующей массе простолюдинов».³¹

Картина развития письменности на Руси, прежде всего в Новгороде, именно благодаря берестяным грамотам и эпиграфике показывает, что такого резкого противопоставления, как в средневековой Европе, на Руси, по-видимому, не существовало. Распространению грамотности вширь способствовал и тот факт, что в отличие от Западной Европы языком книжности и грамоты на Руси был родственный древнерусскому церковнославянский язык. «Как показывают, например, новгородские берестяные грамоты мальчика Онфима. . . по книгам на этом языке учились читать и писать. И это, однако же, не мешало затем новгородцам, прошедшим „учение книжное“, использовать то же письмо для воплощения своей природной разговорной речи в таких же грамотах».³² Церковнославянская культура воспринималась и на слух, через проповедь, получая таким образом устную разновидность. Связи между книжно-письменной и устной разновидностями словесной культуры были, по-видимому, на Руси более тесными и неоднозначными, чем в европейской христианской традиции, и это достаточно ярко проявилось и в древнерусской эпиграфике.

³⁰ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 19—20.

³¹ Там же. С. 23.

³² Мещерский Н. А. Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов // Вестн. ЛГУ. 1978. № 8, вып. 2. С. 134.

